

ВЕЩИ: стихи разных поэтов, которые надо будет просить детей читать

Мы находимся в Бродячей собаке. Проводящий станции - фанат Осипа Мандельштама и читает их там и рассказывает нам его стихотворение.

Ленинград

*Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.
Петербург, я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.
Петербург, у меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.*

Потом говорит нам немного про Осипа.

- Он был великим поэтом, его стихотворения знают люди по всему миру, по ним пишут песни и не только! А умер он из-за этих жалких репрессий, в пересыльном лагере, у него было слабое сердце.

Но знаете что! Он бывал в этом месте! И не только он! И не только в этом месте.

Бродячая собака - это особенное кабаре. Это «подвал во втором дворе», ставший легендарным уже в короткие месяцы своего существования, может быть, впервые в истории русской поэзии, русского театра, русской живописи — обрел ту удивительную атмосферу полной открытости, дружбы, непринужденности, внутренней свободы, которая привела к наивысшему подъему артистической и литературной жизни Петербурга, ее блистательному расцвету, к сожалению столь недолгому и так трагически и жестоко оборванному. Недаром почти каждый из постоянных или частых посетителей «Собаки» писал о ней позже с такой щемящей душу нежностью, с такой ностальгической грустью.

Никогда — ни до, ни после этого — в России не соприкасались так близко, не сливались в единый поток литературная, театральная и художественная стихии. И никогда — об этом тоже нужно сказать — **Россия не соприкасалась так полно и тесно с Европой**. Именно поэтому «Бродячая собака» — явление не только русской, но и мировой культуры.

«Бродячая собака» возникла не на пустом месте. Это было первое ночное литературно-артистическое кабаре в России.

Здесь постоянно видели Анну Ахматову, Осипа Мандельштама, Николая Гумилёва, Игоря Северянина, Надежду Тэффи, Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова, Всеволода Мейерхольда, Константина Бальмонта, Алексея Толстого, Аркадия Аверченко и многих других деятелей искусства того времени.

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.
Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.
Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.
О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

- Ахматова о собаке

Донон - считался одним из самых изысканных ресторанов Петербурга и потому был популярен среди артистической богемы. Его посещали Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Философов, Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал, Александр Бенуа и другие.

В 1909 году редакция журнала «Аполлон» продолжила здесь отмечать выход первого номера. Гюнтер вспоминает: **«А потом ночью в „Дононе“, самом шикарном ресторане Петербурга, сцена: восседая на стульчиках перед стойкой бара, мы под изумленными взглядами блондинки-барменши ведем теологический диспут с Вячеславом Ивановым...»**

Помимо грандиозных торжеств, в ресторане происходили и весьма пикантные казусы. Так, Сергей Дягилев, заметив в ресторане своего кузена и любовника Дмитрия Философова с Зинаидой Гиппиус, устроил дикую сцену ревности, напугав как обедавшую пару, так и остальных посетителей.

*Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе — дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.*

Анна Ахматова. «На Смоленском кладбище»

КЮБА - Заведение известно как место встреч балетоманов и золотой молодежи. Когда-то в «Кюба» **был дан ужин в честь американской танцовщицы Айседоры Дункан.**

Среди постоянных посетителей были Сергей Дягилев, Вацлав Нижинский, Федор Шаляпин, Савва Мамонтов, Иван Бунин и другие. Редакция журнала «Аполлон» помпезно праздновала здесь выход первого номера.

Поэт Николай Агнивцев посвятил известному ресторану стихотворение:

*«Кюба»! «Контан»! «Медведь»! «Донон»!
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в Невский небосклон
В своем сверкающем сплетеньи!..*

*Ужель им больше не звенеть?!..
Ужель не вспенят, как бывало,
«Кюба», «Контан», «Донон», «Медведь»
Свои разбитые бокалы?!.*

*Пусть филистерская толпа
Пожмет плечами возмущенно —
Нет Петербурга без «Кюба»!
Нет Петербурга без «Донона»!..*

Николай Агнивцев. «Четыре» (1923)

Вена - считалась более демократичным заведением с более простым меню, но и более доступными ценами. Антураж ресторана был с претензией на изысканность, в результате чего это место стало одним из самых любимых в литературской среде. Завсегдатаев так и именовали — поэты из «Вены».

«...поэты из „Вены“..., где Дымов, Куприн, Арцыбашев, Потемкин себя упражняли в словах, собирались брататься с Ивановым и Городецким...»

До или после заседаний «Цеха поэтов» его участники также любили проводить время в «Вене». На одном из таких обедов состоялись шуточные выборы короля поэтов. Им стал не присутствовавший Блок, которому прямо из «Вены» была отправлена открытка с экспромтом:

Диалог. М ы и Б л о к.

*М ы. После Цеха,
После Академии, —
Мы без смеха
Раздавали премии.*

*Б л о к. Вот потеха!
Избран вами всеми я!*

Еще один член «Цеха», Михаил Кузмин, также в сознании современников оказался связан именно с «Веной». В пародии на его стихотворение «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» псевдокузмин якобы признается:

*Где слог найду, чтоб описать Эстета,
И ерунду, и нежный блеск Мозта,
И в милой «Вене» мирный уголок...*

МЕДВЕДЬ - В вестибюле было установлено чучело медведя с подносом в лапах. Один из самых крупных по площади петербургских ресторанов. Здесь было два зала, на 100 и 150 столов, а также 29 отдельных кабинетов, поэтому масштабные чествования проходили именно в «Медведе»: обед в честь актрисы Марии Савиной (свыше тысячи гостей), актера Константина Варламова (хозяйка-распорядительница — Вера Комиссаржевская), по случаю 5-летия журнала «Театр и искусство». В 1910-х годах в «Медведе» часто бывали Шаляпин, князь Феликс Юсупов и другие. Хозяином был ресторатор Алексей Судаков, владевший и знаменитым московским «Яром».

«— А помните „Медведя“?»

— Да. У стойки. Правда, рюмка лимонной водки стоила полтинник, но за этот же полтинник приветливые буфетчики буквально навязывали вам закуску: свежую икру, заливную утку, соус кумберленд, салат оливье, сыр из дичи.

— А могли закусить и горяченьким: котлетками из рябчика, сосисочками в томате, грибочками в сметане... Да!!! Слушайте — а расстегаи?!

— Ах, Судаков, Судаков!...»

Вилла Роде - загородный ресторан. **Самым известным и постоянным посетителем «Виллы Роде» был Александр Блок**, стихотворения «Незнакомка» и «В ресторане» описывают реалии внутри и близ «Виллы Роде». Здесь были большой летний театр и летняя веранда-ресторан со сценой, где выступали известные артисты (Дулькевич, Мозжухин, Шаляпин, Собинов и другие). По свидетельству Корнея Чуковского, при «Вилле» был притон, который посещала золотая молодежь того времени. «Виллу» охотно посещала и будущая советская элита — это подтверждал сам владелец, который, не стесняясь, называл свое заведение просто «публичным домом». «На первых порах, после „пломбированного вагона“ кто только не швырял у меня немецких, генерального штаба, денег! И Гриша Зиновьев лыка не вязал! А Луначарский кренделя ногами выписывал! И Нахамкес, не заплатив, задним ходом удирал! И золотое сердце Феликса Дзержинского улыбками девочек утешалось! А однажды даже и самого Ленина... разумеете, языцы, и покоряйтесь: Ленина!!! — замертво вынесли! Понимаете теперь, каков я есмь большевик. Относительно последнего пункта я мог бы даже лично свидетельствовать в пользу г. Роде, так как вез сие бездыханное тело с Виллы Роде во дворец Кшесинской мой собственный бывший шоффер, впоследствии не без гордости о том повествовавший».

Незнакомка

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.
Вдали над пылью переулочной,*

Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.
И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.
Над озером скрипят уключины
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бессмысленно кривится диск.
И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.
А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»* кричат.
И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.
В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

Столовая Дома литераторов - В первые годы после революции **Дом литераторов** **являлся преимущественно организацией взаимопомощи**, поэтому на его базе

были организованы бесплатные обеды для поэтов и писателей, не стесняющихся пользоваться этой услугой. Здесь можно было встретить всех петроградских литераторов без исключения, как совсем безденежных — Осипа Мандельштама, Владимира Пяста, Александра Грина, так и чуть менее стесненных в средствах — Блока, Гумилева, Ахматову, Ремизова, Сологуба, Кузмина, Юркуна, Ходасевича.

Одним из «фирменных блюд» столовой считалась пшенная каша со специфическими добавками голодного времени: растительным маслом, селедкой, моржатиной.

«...зашла в Дом литераторов за своей кашей, составлявшей для меня сразу и завтрак, и обед, и ужин. <...> Мандельштам с полной готовностью согласился „похвоститься“ за меня. <...> Я торопливо вошла в полукруглую комнату с окнами в сад, где перед столом с огромным котлом выстроилась длинная очередь. Мандельштама в ней не было. Я облегченно вздохнула: „Значит, уже получил и ждет меня в столовой“.

Мандельштам действительно уже сидел в столовой. Но перед ним вместо моей каши стояла пустая тарелка.

— Отчего же вы не взяли каши, ведь вы обещали? — начала я еще издали, с упреком.

— Обещал и взял, — ответил он.

— Так где же она? — недоумевала я.

Он сладко, по-кошачьи зажмурился и погладил себя по животу.

— Тут. И превкусная кашка была. С моржеватиной.

Но я не верила. Мне казалось, что он шутит. Не может быть!

— Где моя каша? Где?

— Я же вам объясняю, что съел ее. Понимаете, съел. Умял. Слопал.

— Как? Съели мою кашу?!

Должно быть, в моем голосе прозвучало отчаяние. Он покраснел, вскочил со стула и растерянно уставился на меня.

— Вы? Вы, правда, хотели ее съесть? Вы, правда, голодны? Вы не так, только для порядка, чтобы не пропадало, хотели ее взять? — сбивчиво забормотал он, дергая меня за рукав. — Вы голодны? Голодны? Да?..

Я чувствую, что у меня начинает щекотать в носу. О Господи, какой скандал: я — Одоевцева, я — член Цеха и плачу оттого, что съели мою кашу! <...>

Я уже кое-как успела справиться с собой. Нет, я не заплакала.

— Успокойтесь. Я шучу. Я хотела вас попугать. Я только что дома ела щи с мясом и жаренную на сале картошку».

Столовая Дома искусств (ДИСКа) - Публика была та же, что и в Доме литераторов, совместно с петроградскими музыкантами и художниками: Анненковым, Бенуа, Добужинским, Кустодиевым, Петровым-Водкиным.

Помимо кулинарных, в столовой иногда неожиданно сочинялись и литературные шедевры. Так, Одоевцева вспоминала, как на ее глазах в столовой ДИСКа Мандельштам сочинил одно из самых известных своих стихотворений: «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»:

«Я прохожу через ярко освещенную столовую ДИСКа. Здесь не те правила, что в Доме литераторов, и никого, даже обитателей ДИСКа, не кормят даром. За длиннейшим столом Добужинский и молодой художник Миклашевский, приобретший громкую известность своими гусарскими чикчирами-рейтузами, лакомятся коронным блюдом дисковой кухни — заячьими котлетами. Так для меня и осталось тайной, почему эти котлеты назывались „заячьими“. Ни вкусом, ни видом они зайца не напоминали.

<...> Я останавливаюсь на пороге предбанника. Тихо. Пусто. Никого нет. Уже сумерки.
<...>

И вдруг я слышу легкое жужжание.

<...> В темном углу, у самой статуи Родена перед ночным столиком, неизвестно зачем сюда поставленным, сидит Мандельштам. Я вглядываюсь в него. Как он бледен. Или это кажется от сумерек? Голова его запрокинута назад, лицо неподвижно. Я никогда не видела лунатиков, но, должно быть, у лунатика, когда он скользит по карнизам крыши, такое лицо и такой напряженный взгляд.

Он держит карандаш в вытянутой руке, широко взмахивая им, будто дирижирует невидимым оркестром — вверх, вниз, направо, налево. Еще и еще. Внезапно его поднятая рука повисает в воздухе. Он наклоняет голову и застывает. И я снова слышу тихое ритмичное жужжание. Я не шевелюсь. Я сознаю, что здесь сейчас происходит чудо, что я не имею права присутствовать при нем.

Так вот как это происходит. А я и не знала».